

Су Чжи моргнул, взглянул на запертую дверь и подумал: неужели они будут мыться вместе?

Тан Линь вытер лицо Су Чжи, слегка ущипнул его за щёку и сказал:

— Как? Хочешь, чтобы я тебе спину помыл? Или ты мне поможешь?

— Я... — Су Чжи покачал головой, но, прежде чем он успел что-то сказать, Тан Линь рассмеялся.

Тан Линь поцеловал его, открыл дверь ванной и сказал:

— Ты мойся здесь, а я пойду на второй этаж.

Су Чжи смотрел на уходящую фигуру Тана Линя, затем на закрытую дверь, чувствуя лёгкое разочарование. На самом деле, мыться вместе... он бы не против.

Но, как бы Су Чжи ни хотел, Тан Линь уже взял одежду и отправился на второй этаж, чтобы принять холодный душ. Вода из душа омывала его тело, и, закрыв глаза, он снова представлял себе выражение лица Су Чжи, невольно улыбаясь.

Тан Линь вышел из душа как раз в тот момент, когда Су Чжи покидал ванную. Тот был в пижаме, и его обычно подтянутый вид сменился на более мягкий и расслабленный.

Тан Линь был в майке с широкими проймами. При малейшем движении из-под рукавов открывалась его грудь. Су Чжи не знал, куда смотреть, ведь куда бы он ни повернулся, его взгляд неизбежно падал на загорелую кожу Тана Линя.

Дневной сон они провели вместе, в комнате Су Чжи. Включённый напольный вентилятор обдувал их прохладным воздухом, и даже прижатые друг к другу, они не чувствовали жары.

Тан Линь обнял Су Чжи за талию, на этот раз не дразня его и не проявляя излишней близости. Он лишь мягко поглаживал его спину, шепча:

— Спи.

Су Чжи тихо отозвался, прижался к Тану Линю, схватился за его одежду и закрыл глаза.

За эти два дня в деревне Тан Су Чжи стал спать лучше, синяки под глазами посветлели, и он уже не выглядел таким уставшим, как при приезде. Когда Тан Линь убедился, что он крепко спит, он нежно погладил уголок его глаза, поцеловал это место, крепче обнял его и тоже закрыл глаза, погрузившись в спокойный и умиротворённый сон.

Они проспали два часа, а затем их разбудили детские крики за окном и шум строительной бригады, приступившей к работе. Тан Линь на секунду растерялся, но, увидев в своих объятиях свернувшегося калачиком мужчину, улыбнулся.

На ужин Тан Линь приготовил любимые блюда Су Чжи, и бабушка Вэнь с дедушкой Таном бросили на него недовольные взгляды, одновременно подумав: «Вон как, нашёл жену — и про мать забыл!»

После ужина, когда ещё не совсем стемнело, дедушка Тан и бабушка Вэнь отправились навещать старых друзей в деревне. В коттедже остались только Тан Линь и Су Чжи.

Закончив с делами, Тан Линь спросил Су Чжи:

— Хочешь запечь батат? Кстати, у нас ещё остался мешок, который недавно подарили в деревне.

— Запечь батат? — Су Чжи наклонил голову, вспоминая, что вроде бы здесь нет подходящего места для этого.

Тан Линь, догадавшись, о чём он думает, объяснил:

— Мы можем сами сделать печь из земли и кирпичей.

Это звучало интересно. Су Чжи помнил, как в детстве он играл в такие вещи в деревне, но потом, повзрослев, больше не занимался этим.

Увидев, что Су Чжи заинтересовался, Тан Линь достал из кухни полмешка батата, взял несколько штук, а также полуфабрикат курицы из холодильника, немного приправ и фольгу. Собрав всё это в пакет, он вместе с Су Чжи и А-Хуаном вышел из дома.

А-Хуан обрадовался, решив, что наконец-то пошли гулять, и несколько раз громко промычал. Тан Линь передал вещи Су Чжи, а сам взял А-Хуана на поводок, так как боялся, что тот может рвануть и Су Чжи не удержит его.

Место для запекания батата находилось недалеко от коттеджа, на пустыре перед домом. Хотя землю уже засыпали под строительство, часть её всё ещё оставалась нетронутой. Они обошли фундамент и недостроенный дом, выйдя на пустырь. Ветер здесь был мягким и приятным. Закат уже угасал, и приближалась ночь.

Землю и кирпичи было легко найти. Из-за строительства повсюду лежали кучи кирпичей. Тан Линь и Су Чжи разделили обязанности: Су Чжи накопал земли и собрал ветки, а Тан Линь принёс несколько кирпичей с небольшими сколами.

Когда всё было готово, Тан Линь построил простую печь, разжёг в ней огонь с помощью веток, а когда кирпичи раскалились, бросил туда батат и курицу, завернутую в фольгу с приправами. Затем он разрушил печь, чтобы пища готовилась прямо в горячей земле.

На приготовление ушло немало времени, и Тан Линь с Су Чжи устроились на краю поля, ожидая. Уже чувствовался аромат, и А-Хуан нетерпеливо мычал, явно желая попробовать.

Небо уже полностью потемнело, звёзд было мало, но его цвет был невероятно красивым, притягивающим взгляд.

Тан Линь посмотрел на небо, затем повернулся к Су Чжи и сказал с улыбкой:

— Я думаю сделать печь во дворе дома в провинции Цзин. Зимой мы сможем запекать батат, и это будет ещё интереснее и вкуснее.

Су Чжи тоже улыбнулся:

— Можно будет жарить и другое.

— Всё, что захочешь, — Тан Линь наклонился и слегка укусил его за губу.

Су Чжи позволил ему это, лишь улыбаясь, и выглядел при этом невероятно мягким.

А-Хуан неуместно промычал, словно выражая недовольство тем, что его забыли.

Романтическая атмосфера была нарушена, и Тан Линь, глядя на корову, сердито сказал:

— А-Хуан, тебе достанется только воздух.

А-Хуан наклонил голову, почувствовав недоброжелательность, и, хотя не понял слов, ощутил угрозу в тоне Тана Линя. Он лёг на землю, уставившись на него своими чёрными глазами, и тихо замычал, выглядя жалко.

Тан Линь был взбешён этой покорной коровой, но ничего не мог поделать, лишь потирая виски.

Су Чжи, наблюдая за их взаимодействием, не сдержал смеха, который становился всё громче, пока слёзы не выступили на глазах. Тан Линь впервые видел, как Су Чжи так сильно смеётся, и, испугавшись, что он задохнётся, обнял его за талию и начал успокаивать.

— Тан Линь, я в порядке, — сказал Су Чжи, похлопав его по руке и подняв голову.

В уголке его глаза ещё блестела слеза, а взгляд был влажным и сосредоточенным. Он выглядел таким мягким, что Тан Линь едва сдержал желание крепко обнять его.

Не долго думая, Тан Линь, не обращая внимания на возглас Су Чжи, прижал его к себе и начал страстно целовать, их языки переплетались, издавая влажные звуки.

А-Хуан, наблюдая за внезапно слившимися в объятиях хозяевами, наклонил голову. Но вскоре его внимание привлёк аромат запекающегося батата, и он уставился на печь, боясь, что кто-то отнимет его еду.

Тан Линь и Су Чжи продолжали целоваться, рука Тана Линя скользнула под одежду Су Чжи, лаская его талию.

Пальцы медленно поднимались вверх, от живота к груди, вызывая мурашки.

Тан Линь слегка ущипнул сосок Су Чжи, но затем убрал руку, боясь потерять контроль и прижать его к земле.

Через некоторое время Тан Линь отпустил Су Чжи, и тот, тяжело дыша, прижался к его груди.

Батат и цыплёнок нищего были готовы, их аромат наполнял воздух.

Тан Линь взял палку, раздвинул горячие кирпичи и достал запечённый батат и чёрный, обёрнутый в фольгу цыплёнок.

Он развернул фольгу, и аромат цыплёнка заполнил пространство, вызывая слюнотечение. Мясо было ещё горячим, и Тан Линь осторожно оторвал кусочек, подул на него и дал попробовать Су Чжи.

Мясо было нежным и сочным, и глаза Су Чжи загорелись.